УДК 101.1

ФИЛОСОФСКИЙ ЛИК МЕТАФОРЫ «ЭКОЛОГИЯ ДУШИ»

Баркова Валентина Васильевна,
Челябинский государственный педагогический университет, профессор кафедры философии, кандидат философских наук, доцент, г. Челябинск, Россия.
E-mail: barkovavv@cspu.ru; valentinavasilevna.barkova@mail.ru

Аннотация
В статье обосновывается мысль о том, что метафора выступает важнейшим инструментом конструирования философской картины мира. Метафора «экология души» позволяет раскрыть глубокие смыслы жизни через особые образы, возникающи в определенных «пороговых» ситуациях жизненного опыта.

Ключевые понятия:
метафора, познание, смысл, образ, менталитет, личность.

Начиная со времен Платона известная «размытость» семантических полей слов, которыми пользуется философски мыслящий субъект, заключала в себе подлинное таинство философского мыслевыражения. Блестяще высказался С.С. Аверинцев о специфике языка Платона. Он писал, что слово у Платона, как и у его предшественников – первосоздателей философского языка, расковано и разбужено, даже раздразнено, без прямой нужды подвижно, а избыток не вполне определившихся возможностей придаёт ему здоровую нервность породистого и норовистого животного [1, с. 58]. Впрочем, и в развитых формах философской мыследеятельности раскованность, разбуженность и даже раздразненность мыслеформ свидетельствует о том, что в процессе исторического развития философия воплотила себя в такую форму сознания, в которой неразрывным образом «переплетаются» два истока. Интуитивное и рациональное, пророческое и научное, поэтически-творческое и абстрактно-логическое. Первое роднит её с мифологией, религией, поэзией. Второе – объединяет с наукой. Первое обусловливает живость, целостность и безусловность философского мировидения. Второе задаёт рационалистический метод исследованию мира, осуществляющийся посредством абстрактных размышлений, логических процедур и понятий. Теряя одно из начал, философская мыследеятельность утрачивает своё качественное отличие от других форм духовной жизни. И хотя палитра философских учений весьма многообразна, они, при всей их разноликости, объединены одним – обязательным присутствием непосредственного и опосредованного, безусловного и условного, чувственно-интуитивного и логико-понятийного начал.

Н. Бердяев философское постижение миробытия представлял как гуманизацию, то есть познание тайны бытия из человека и через человека. Постижение «человеческого лика бытия», глубочайшего единства объективного и субъективного является, с его точки зрения, первичным и предстоящим рациональному познанию, а также главным признаком, отличающим философское знание от научного. Он подчеркивал, что было бы ошибкой думать, что рефлектирующее философское сознание соприкасается с бытием лишь через интеллект, а через эмоцию остаётся в своём субъективном мире. Философское познание есть духовный акт, в котором действует не только интеллект, но и совокупность

духовных сил человека, его эмоциональное и волящее существо. Имея двойную природу, философия с необходимостью подводит нас к разговору и о принципиальной двойственности используемых в ней познавательных средств. Философию как логико-рассудочную деятельность представляет понятие. Как средоточие интуитивных прозрений – метафора. Иначе говоря, в философии сосуществуют и дополняют друг друга два способа передачи информации о миробытие. Точный, но менее эффективный, представлен понятием. И менее точный, но зато более действенный, гораздо более выразительный, представлен метафорой. Из сказанного следует, что понятие является точным, но недостаточным средством для описания универсума, метафора же, напротив, неточным, но достаточным, и поэтому более эффективным средством.

Термин «метафора» был введён в состав словаря риторики и философии одним из учеников софистов Горгия и Продика – Исократом. В переводе этот термин означал «слово в переносном смысле». Со времён Аристотеля природа метафорических суждений, их онтологическая и гносеологическая состоятельность неоднократно становились предметом дискуссий. Цицерон, Квинтилиан, Августин, Фома Аквинский, Вико, Кант, Гоббс, Лейбниц. Монтень, Руссо, Шопенгауэр, Шеллинг, Франк, Соловьёв, Кассирер, Лотман, Блэк, Ортега-и-Гассет, Рикёр, Ортони, Герриг, Хили, Хейс, Хайдеггер – и это далеко не все, кто в различные времена принимал участие в обсуждении вопросов о философском лике метафор. В основе изучения современных технологий использования метафоры в философском познании миробытия лежит гипотеза Д. Лакоффа и М. Джонсона. В этой гипотезе метафора как способ осмысления одного явления, в терминологии, присущей другим явлениям, представляет собой важнейший инструмент создания языковой картины мира, изучения вопроса о детерминированности метафор социокультурным контекстом, в котором носители языка могут устанавливать специфические ассоциации между различными явлениями и предметами. Позволяет оценить её роль в процессе мышления как средства выражения и понимания сложных значений. Наконец, позволяет прочувствовать специфику «смысловой ёмкости» метафор в связи с проблемой истинности, предполагающей, что ложность одного и того же выражения в буквальном понимании может означать его истинность в метафорическом смысле. Сегодня в зоне напряженного метафизического интереса находится метафора «экология души».

Современное общество, взрывающее реальность интенсивностью информационных потоков, в лоне которых человек пытается нащупать траекторию своего жизненного пути, обострило динамику неоднозначности восприятия им социокультурных перемен, что обнажило проблему самодостаточности человека как вида Homo sapiens. Не случайно метафора «экология души» проговаривается и широко осмысляется в публицистической, экологической, психологической, педагогической, теологической литературе. Изучение её философских смыслов актуально и в свете перемен, через которые проходит не только индивидуум, но и российское сообщество, вступив на путь инновационного развития. С движением по такому картоиду цивилизационного прогрессирования Россия связывает воплощение в реальность социального бытия новых гуманитарных парадигм и целеполаганий, потребность в которых выстрадана необходимостью по-новому задать меру и смысл человеческому существованию, переосмысления отношения к истории человечества и человека, его микро и макрокосму. Стимулирование коррекции структуры и содержания системы ценностных ориентаций человека в современных условиях бытия, разработка механизмов содействия человеку в поисках идентичности.

Новые философские концепты конструирования и понимания тех или иных реалий бытия создаются, как показывает история развития философской мыследеятельности и, в частности, тексты Платона, Аристотеля, метафорами. Метафора «экология души» исключительно важна для описания ментальных миров человеческого бытия. Гуссерль писал, что сознание всегда стремиться достичь исполнения своих предвидений. Последнее достигается, когда «мир там, снаружи» показывает, что он совпадает с ментальными представлениями, предшествовавшими нашим интуициям, прекогнитивным, преперцептуальным образам. В ментальности есть своя телеология. Она нацелена на адаптацию интуиций к некоторого рода «высвобождённому сознанием опыту», посредством которого оно уходит от «естественной» установки и принимает «философскую». Целью сознания становится понимание смысловой структуры реальности. При этом смыслы и образы, которые сознание выявляет в метафоре, по

принципу воронки уводят их восприятие и понимание в глубь сферы трансцендентного и пространство трансперсональности [5, с. 40]. К всеобщим универсальным смыслам и их механизмам самосохранения смысложизненного центра «ядра самости личности». Его постоянной способности к самокоррекции собственных персональных масок и их ролевого репертуара.

Помещая слова в несвойственный им контекст, метафора позволяет по-новому взглянуть на изучаемое явление. На «ядерном уровне» высветить смыслы стержневых структур «ментальных чувствований» человеческой души. Вытаскивая их из «великого гнезда бытия», т.е. души человека, представляет последние как нечто сущностное духовно-душевному миру человека, открывая их при этом, как писал Хайдеггер, от «скрытости бытию» к явлению и откровению миру. Даже мимолетное «озвучивание» смыслов уникальных связок стержневых структур «великого гнезда бытия», являющих себя в процессе аутопоэзиса метафоры, способно заставить человека переиначить функциональные ориентиры своего поведения и миропонимания, что свидетельствует о смыслоосуществлении человеком своего бытия и осознании актуальности переживаемых им конкретных индивидуальных ситуаций и событий. Смыслопорождающий континуум метафоры «экология души» посредством философской рефлексии делает возможной трансценденцию как ориентацию на высшую самореализацию личностью своего Я; «задаёт» программу «переключения» сознания с эмпирического регистра на трансцендентальный, позволяя выявить, «уловить» условия мыслимости тех или иных эмпирических данных.

Трансцендентальное не тождественно субъективному, поскольку оно уже не только наше личностное представление объективного, а знание, имеющее объективную значимость (И. Кант), пригодное для использования в опыте. Платон и особенно Аристотель впервые обозначили мысль о том, что наш язык, являясь неоднородным образованием, «набрасывает» на мир «категориальную разметку действительности», особо выделяя среди схваченного содержания то, что называют сущностями. К таким сущностям с полным основанием можно отнести и духовно-психическую реальность метафоры «экология души», которая аккумулирует в себе уникальный космос значений и смысловых нагрузок, свернутых в единое целое, с тем чтобы развернуть их уже в какой-то иной конкретности – иной ипостаси во внутреннем мире субъекта восприятия. При этом создается некий целостный, чувственно воспринимаемый и замкнутый «в себе и на себя» смыслообраз, являющийся одновременно и образом, и его прообразом, сущностным архетипом.

Исходя из мысли, что метафора – это квинтэссенция некой духовно-психической реальности, возникающей во внутреннем мире человека в акте восприятия им событий объективной реальности, можем предположить, что метафора «экология души» является духовно-эйдической целостностью, выражающей некие конструкты «ядра самости» человека, реализующиеся во всей полноте в процессах восприятия конкретных событий конкретным человеком. Метафора «экология души» «распредмечивает» уникальный континуум личности, ее духовно-эйдическое пространство. Именно в этом континууме реализуется бытие смыслов, независимо от их типологических характеристик, будь то профессиональное, непрофессиональное философствование, аналитическое или культурно-информационное. В нем посредством вопрошания, как инструменте познания о пределах допустимого, сталкиваются знание и незнание, формируются суждения и установки.

Особенность природы рассматриваемой метафоры определяется тем, что она представляет в единой связке ценностные компоненты этики, экологии, рефлексий сознания в их гуманитарном, эмоционально-волевом проявлении в общественном и индивидуальном бытие человека. Именно это определяет исключительную важность метафоры «экология души» не только для гуманитарных дисциплин, но и естественно-научного и технического знания, для различных интегративных образований и направлений в современной науке (когнитивных исследований, проблематики искусственного интеллекта, нанотехнологий, биотехнологий, информационных и когнитивных технологий). Колоссальный массив конкретно-научных знаний о сознании, преломление его рефлексий через призму метафорического осмысления этических и экологических метаморфоз человеческого бытия способны существенно расширить палитру исследования философских проблем антропологии. Для эпистемологии актуальна разработка междисциплинарных подходов к исследованию метафор, выработка общепринятого языка описания и объяснения смыслов, симво-

лов и значений, которые метафора являет в своем проявленном бытие. Именно с этими смыслами связана наша способность к «схватыванию» и извлечению из предметов (слов) дополнительных нефизических смыслов, прежде всего социокультурного характера. Философская рефлексия как определенный тип мышления, ориентированный на осмысление человеком предельных оснований своего бытия, выступает как инструмент моделирования и описания стержневых конструктов того или иного явления. Методологическими «пазлами» философского инструментария выступают онтологический, логико-гносеологический, этический и эстетический аспекты. В метафоре «экология души», наряду с исторически признанными конструктами философской рефлексии, «прорастает» и всё настойчивее реализует свое «есть» экологическая составляющая как способ явления знаний о целостном мире, о мере понимания предельных оснований соответствия сущности мира – «онтосу». Как мера свободы и ответственного отношения человека к природе как своей собственной, так и других. Об этом, в частности, очень прозрачно писали в своих трудах Гельвеций, Гольбах, Дидро и др. просветители Франции.

Смысловые прочтения метафоры «экология души» дают основание утверждать, что в качестве матричной основы в ней заложен императив самосохранения «ядра самости личности», составляющий стержневую компоненту «великого гнезда бытия» – души человека, его «вселенского чувствилища». С древнейших времен в общественном и индивидуальном сознании Homo sapiens складывались различные регуляторы его духовного и социокультурного развития: мораль, право, религия. Все они, «произрастая» из одного корня, имеют общую цель. Хотя каждый регулятор выполняет свою функцию и по-разному детерминирует действия человека. Правовые нормы определены законом, их нарушение ведет к юридической ответственности. Религиозные нормы обусловлены верой, и за их нарушение человек несет ответственность перед Богом. За нарушение моральных и нравственных норм человек несет ответственность только перед самим собой и обществом. В отличие от правовых и религиозных норм, нравственные нормы носят личностный характер, «распредмечивая» глубинные ментальные переживания человека и «отражают» степень усвоения им стержневых общечеловеческих моральных духовных ценностей. Именно эти стержневые компоненты исторически «выпестовывают самость духовного ядра» личности, определяют целевые установки в различных ипостасях его существования, исходя из реальности «по сю стороннего» бытия.

Однако в современных условиях нравственная составляющая теряет свой авторитет в регулировании воспроизводственных процессов «ядра самости личности». Трансформационные ситуации современного развития исподволь запускают механизм разрушения традиционных ценностей и ценностного смыслового ядра культуры личности. Хайдеггер истоки рассматриваемой ситуации видел в том, что современная техника всё более интенсивно превращает человека и природу в «постав», в свои функциональные элементы. О том же писал Ясперс, утверждая, что человек становится одним из видов сырья, подлежащего обработке, и не может освободиться от власти созданной им техники. В результате и природа, и человек деградируют, разрушаются, становясь простыми функциональными элементами и материалом бездушной машины – поставляющего производства. Мамфорд видит причину кризиса в чрезмерном усилении в культуре значения «Мегамашин» – сложных иерархических организаций человеческой деятельности. Скалимовски, озвучивая экзистенциональный страх и растерянность человека в сложившихся пограничных ситуациях, писал, что техника, превратившись в физическую и ментальную опору в столь извращенной и всеобъемлющей степени, стала своеобразным фантомом. Если мы даже осознаем, как она опустошает нашу среду, природную и человеческую, то первой нашей реакцией становится мысль о какой-то другой технике, которая может исправить все это [6, с. 6–7].

Такое понимание проблемы порождает ситуацию стирания границ между добром и злом. Знаковой маркировкой поведенческих ориентаций человека по отношению к окружающему миру, природе становится рост гедонистических настроений, приводящих к деформации личности. Сужается горизонт мировидения ею горизонтов собственного бытия, разрушается вертикаль ценностных иерархий. Появляется господство «внешнего» человека над «внутренним» [4]. В духовном пространстве «ядра самости личности» поселяется пассивность как отказ от личностного долженствования. Это выливается в редуцирование духовного измерения человеческого существования. Последнее неизбежно приводит к «расчеловечиванию» человека (Ф. Достоевский).

Философы, анализируя различные эпохи крутых изломов социального развития, выдвигали множество вариантов коррекции духовно-нравственного континуума «ядра самости» человеческой души. Декларируя идею причастности личности к сотворению бытия и её ответственности за него, философы пытались через призму эпохальных ценностных предпочтений переосмыслить иерархию стержневых композиций духовно-нравственного континуума «ядра самости личности». Распространенными видами коррекций были религиозные, натуралистические, социологические. В роли моральных инструментов коррекции духовно-нравственного континуума «ядра самости» личности выступали: «этика добродетели» Аристотеля, «этика долга» Канта, «этика утилитаризма» И. Бентама, Дж.С. Милля, «этика прагматизма» Ч. Пирса, Дж. Дьюи, «этика благоговения перед жизнью» А. Швейцера. В последнее время активно заявляют о себе «этика ответственности» и «этика ценностей».

Действительно, у каждой культурно-исторической эпохи свой, выражаясь языком Шпенглера, «этический масштаб», а значит своё отличное от всех прочих, нравственное пространство и свой собственный объект нравственного чувствования. Философ, хочет он того или нет, всегда находится «внутри» эпохи, и потому не столько он «выискивает» смыслы, сколько смыслы озвучиваются через него. Нравственное пространство отлично от сферы действия моральных законов. Оно определяется не рациональной моральной теорией, а исключительно имманентным человеку как носителю определенного культурного сознания нравственным чувством. Именно в нравственном пространстве «великого гнезда бытия», как ареале нравственных переживаний человека, «отсекаются» все пороговые значения и смыслы, не соответствующие Универсуму, поскольку способны разрушить сущностные ментальности человеческой души.

В этом отношении, насколько бы несхожими ни казались конкретные этические теории Античности, Средневековья или Нового времени, расхождения между ними обусловлены в большей степени частностями, а не мировоззренческим противостоянием. Ведь в центре их размышлений всегда стояла забота о сохранении на Земле человека и всего живого, что в этот мир пришло до него и вместе с ним. Нравственное пространство ни в коей мере не предполагает этического взаимодействия между нравственным субъектом и объектом нравственного чувствования. Этические требования адресованы только одной стороне – действующему субъекту, и никак не зависят от качества объекта. Нравственное пространство «великого гнезда бытия», определяя объекты нравственных переживаний, диктует и должные качества нравственному субъекту. Так, в Античную эпоху нравственное пространство вмещало в себя государства-полисы, космос в целом. В эпоху Средневековья – это Церковь и мир. В новое время – пространство собственной цивилизации, «мой культурный мир». В XX–XXI вв. нравственное пространство расширилось до границ всего чувствующего мира.

От эпохи к эпохе менялись и камертонные точки нравственного «чувствования». В Античности – это закон во всех своих явлениях. Добродельность человека, как нравственное качество, определялось его соответствием требованиям закона. В Средние века объектом нравственного чувства становится Бог. Нравственная самодостаточность достигается на пути богоуподоблению, а качественность субъекта определяется степенью подчинения поведения человека идее спасения. В Новое время объектом нравственного чувства выступают сограждане – люди одной с субъектом культуры. Нравственная составляющая качества субъекта определяется его активностью и должна была быть устремлена к улучшению жизни социума. Только к XX в. объектом нравственного чувства становятся экогуманитарные переживания человеком жизни не только своей, но и «своего другого» и любого единичного чувствующего существа. Качество нравственного субъекта в этом случае определяется через его отношение к людям, к живой чувствующей природе.

Осознавая важность «проращивания» экогуманитарных стержневых компонентов в ментальном пространстве личности, необходимо помнить слова Эйнштейна о том, что мы не можем решать эти проблемы, находясь на прежнем уровне сознания, на котором их создали. Процесс выращивания стержневых «проростков» экогуманитарной культуры мышления в «великом гнезде человеческой души» должен разворачиваться через образовательные системы, которые обязаны научить человека формировать в себе на уровне ментальных переживаний сознательную ответственность человека не только за свои действия, образ мыследеятельности, но и своё ближайшее окружение. Помогать обрести иной алгоритм современного понимания миробытия: совершить «переход» с установки «здесь и

сейчас» на установку «всегда и везде». Такой переход позволяет осознать факт того, что человеческая цивилизация исчерпала возможности своего развития на пути части целого. Необходима новая модель антропологического развития – части в целом, что позволить индивидууму и человечеству осознать себя коллективным субъектом биосферы, призванным выполнять миссию сохранения жизни на Земле.

1. Аверинцев, С.С. Классическая греческая философия как явление историко-литературного ряда [Текст] / С.С. Аверинцев // Новое в современной классической филологии. М.: Наука, 1979. С. 41–81.

2. Борисов, С.В. Жизнь как предмет научного исследования: несоизмеримость теорий [Текст] / С.В. Борисов // Философские вопросы естественных, технических и гуманитарных наук: Сб. статей Всероссийской научной конференции. Магнитогорск: МаГУ, 2008. Вып. 3. Т. 1. С. 145–149.

3. Пиотровская, Е. Теория образа [Текст] / Е. Пиотровская. М.: РГГУ, 2010. 283 с.

4. Резник, Т.Е. Стратегии жизни молодежи в обществе риска: проблемы социальной безопасности [Текст] / Т.Е. Резник // Ломоносовские чтения 2004 г.: Сб. статей аспирантов «Россия и социальные изменения в современном мире». М.: Макс-пресс, 2004. Т. 2. С. 135–139.

5. Резник, Ю.М. Человек и его пограничье: между экзистенцией и трансценденцией [Текст] / Ю.М. Резник // Вопросы социальной теории: Научный альманах. 2012. Том 6. Человек между мирами (онтологические, эпистемологические, социокультурные и психологические проблемы пограничья) / под ред. Ю.М. Резника, М.В. Тлостановой. М.: Независимый институт гражданского общества, 2012. С. 25–45.

6. Философия техники: история и современность / отв. ред. В.М. Розин. М.: ИФ РАН, 1997. 283 с.

1. Averincev, S.S. Klassicheskaja grecheskaja filosofija kak javlenie istoriko-literaturnogo rjada [Tekst] / S.S. Averincev // Novoe v sovremennoj klassicheskoj filologii. M.: Nauka, 1979. S. 41–81 (Russian).

2. Borisov, S.V. Zhizn' kak predmet nauchnogo issledovanija: nesoizmerimost' teorij [Tekst] / S.V. Borisov // Filosofskie voprosy estestvennyh, tehnicheskih i gumanitarnyh nauk: Sb. statej Vserossijskoj nauchnoj konferencii. Magnitogorsk: MaGU, 2008. Vyp. 3. T. 1. S. 145–149 (Russian).

3. Piotrovskaja, E. Teorija obraza [Tekst] / E. Piotrovskaja. M.: RGGU, 2010. 283 s. (Russian).

4. Reznik, T.E. Strategii zhizni molodezhi v obshhestve riska: problemy social'noj bezopasnosti [Tekst] / T.E. Reznik // Lomonosovskie chtenija 2004 g.: Sb. statej aspirantov «Rossija i social'nye izmenenija v sovremennom mire». M.: Maks-press, 2004. T. 2. S. 135–139 (Russian).

5. Reznik, Ju.M. Chelovek i ego pogranich'e: mezhdu jekzistenciej i transcendenciej [Tekst] / Ju.M. Reznik // Voprosy social'noj teorii: Nauchnyj al'manah. 2012. Tom 6. Chelovek mezhdu mirami (ontologicheskie, jepistemologicheskie, sociokul'turnye i psihologicheskie problemy pogranich'ja) / pod red. Ju.M. Reznika, M.V. Tlostanovoj. M.: Nezavisimyj institut grazhdanskogo obshhestva, 2012. S. 25–45 (Russian).

6. Filosofija tehniki: istorija i sovremennost' / otv. red. V.M. Rozin. M.: IF RAN, 1997. 283 s. (Russian).

UDC 101.1

PHILOSOPHICAL IMAGE OF THE METAPHOR "ECOLOGY OF THE SOUL"

Barkova Valentina Vasiljevna,
Chelyabinsk state pedagogical university,
professor of the chair of philosophy,
candidate of philosophical sciences,
associate professor,
Chelyabinsk, Russia.
E-mail: barkovavv@cspu.ru;
valentinavasilevna.barkova@mail.ru

Annotation
The author proves the idea that metaphor is one of the most powerful instruments for creating the philosophical image of the world. The metaphor "ecology of the soul" helps to reveal the deepest reasons for being through special images which arise in certain luminal situations of life experience.

Key concepts:
metaphor, image, mentality, personality, perception, essence.